

Бу Юньфэй поначалу испытывала неловкость, словно девица, впервые познающая близость, но постепенно поддавалась стихии чувств. С её губ начали срываться невольные стоны: «м-м», «а-а», которые к финалу переросли в протяжные «м-м-м» и «а-а-а».

Всё происходящее было настолько откровенным, что она сама краснела, слушая эти звуки. Конечно, лишь потому, что слышала их, но не видела себя со стороны — если бы она могла лицезреть своё лицо, полное неги, то наверняка... покраснела бы ещё сильнее.

Видя её состояние, Сяо Лэнью усмехнулась ещё шире: «Ну надо же, как наслаждается. Выглядит так, что даже завидно».

Размышляя об этом, она лишь усилила напор.

В итоге обе, обливаясь потом, скатились со стола на пол, затем перекатились к подоконнику, а закончили всё на кровати.

Властная Сяо Лэнью наконец немного утомилась, но, казалось, её жажда истязать партнёршу ещё не была утолена полностью. Она вытянула средний палец и властно приказала:

— Садись сверху! Двигайся сама!

Что?!

Бу Юньфэй чуть было не решила, что её партнёрша тоже попаданка — та выпалила фразу прямо из интернет-сленга двадцать первого века.

Однако госпожа Сяо, очевидно, просто устала и не хотела упускать редкий шанс полюбоваться на такую разгорячённую императрицу.

— Быстрее! Садись сверху! — нетерпеливо повторила она.

Ох, госпожа, прошу, не злитесь.

Трусиха, которая уже успела вообразить, что по ошибке истребила всю семью Сяо Лэнью, до смерти боялась, что в конце госпожа отомстит ей, как в оригинальном романе. Поэтому, подумав, она не посмела перечить.

Прикусив губу, она униженно — села — сверху.

— Двигайся сама! — снова скомандовала та.

Прикусив губу.

Опустив голову.

Униженно — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Подай голос.

Эй!

— Быстрее, кричи! — госпожа снова проявила нетерпение.

— ...А. А. А! А-а-а!

В душе несчастная трусиха обливалась слезами.

Она — великий мастер, первый автор Цзиньцзяна. Всё, что она переживает сейчас, — это точно не наяву!

Наконец, госпоже показалось, что стоны слишком однообразны и лишены искренности, да и звучат не очень приятно. Она приказала:

— Спой-ка что-нибудь.

— ...Так ты покорила меня...

Ах, я великий мастер, первый автор исторических романов Цзиньцзяна! Всё, что происходит сейчас, точно не наяву!

О, воды Западного озера, мои слёзы!

Наконец, когда запасы слёз в «Западном озере» Бу Юньфэй почти иссякли, госпожа Сяо удовлетворённо скомандовала «стоп».

Бу Юньфэй, у которой не осталось сил, осторожно сползла с пальца госпожи.

В тот момент, когда она отделилась, раздался тихий звук «пуф».

Ой.

Бу Юньфэй рефлекторно прикрыла интимное место, покраснев, как мартышка, а её шея стала пунцовой.

Сяо Лэнъюй очень хотелось рассмеяться во весь голос, но, вспомнив, что перед ней дочь врага, она сдержалась. Однако выражение её лица при этом исказилось в странной гримасе.

Бу Юньфэй смущённо опустила голову, выглядя жалко.

В этот момент ей хотелось лишь одного — удариться обо что-нибудь и умереть.

В голове была пустота, лишь крутилась одна мысль: она великий мастер, первый автор Цзиньцзяна, и всё, что сейчас происходит — не по-настоящему. Не по-настоящему.

Хотя Сяо Лэньюй старалась сдерживаться, сдерживаемый смех придавал её лицу весьма причудливое выражение.

Спустя долгое время она тихо кашлянула, взяла себя в руки и произнесла:

— Не думала, что у императрицы есть столь порочная сторона. Интересно, что бы сказал господин Бу, увидев свою дочь в таком виде?

Что бы сказал её отец, она не знала, но сейчас Бу Юньфэй мечтала лишь зарыться в одеяло с головой, а лучше — провалиться сквозь землю.

Она пыталась внушить себе: это всё галлюцинация, галлюцинация, галлюцинация...

Однако голос Сяо Лэньюй прозвучал отчётливо:

— Твои методы в опочивальне и правда хороши, наложница придёт за уроком в следующий раз.

В следующий раз?

Что ж, это не галлюцинация, а кошмар, от которого ещё очень нескоро удастся проснуться.

Хотя, называть это кошмаром было бы нечестно — в конце концов, в процессе она, увы, должна признать... довольно наслаждалась.

Увидев, что Бу Юньфэй, словно страус, спрятала лицо в одеяле, Сяо Лэньюй фыркнула и повернулась, чтобы уйти.

Но в момент разворота на её губах невольно заиграла улыбка.

Впоследствии Сяо Лэньюй действительно навевалась каждые пару дней, время от времени заглядывая, чтобы «поучиться секретам женской спальни».

Так Бу Юньфэй, не имея ни имени, ни статуса, множество раз была «осчастливлена» госпожой.

По мере развития сюжета макияж госпожи становилось всё более ярким и вызывающим.

Было ясно, что её планы близки к исполнению.

Действительно, иногда, будучи прижатой к постели, Бу Юньфэй в перерывах беседовала с ней и слышала, как события развиваются в точности по сценарию оригинального романа.

А в какой-то момент пропал и её черновик второй части романа.

Матушка Жун пришла в ярость, обыскала весь Холодный дворец, намереваясь перерыть всё до основания, чтобы найти пропажу, но Бу Юньфэй было всё равно.

Казалось, всё шло своим чередом, и её попадание, как и наличие черновика, не играло никакой роли.

Единственное отличие от оригинала — Бу Юньфэй была уверена: в книге императрицу никто не тискал и не принуждал к подобному...

Впрочем, решив пустить всё на самотёк, Бу Юньфэй старалась угождать госпоже. Напротив, как человек из современного мира, она придерживалась принципа: жизнь похожа на изнасилование — если не можешь сопротивляться, расслабься и получай удовольствие. И правда, сейчас ей оставалось только «наслаждаться».

Более того, как бесстыдный «бывалый» водитель, она иногда даже предлагала новые позы, чтобы ублажить госпожу.

Так осень сменилась зимой, и снова наступила весна.

В этом году персиковые деревья цвели особенно пышно, что напомнило Сяо Лэнью о том стихотворении про персики. Но бывшая любимица, благородная наложница Ли, была повержена и превратилась в узницу, и теперь весь гарем принадлежал Сяо Лэнью.

С неким триумфальным величием Сяо Лэнью томно спросила:

— У императрицы ещё остался поэтический дар?

Бу Юньфэй, пребывавшая в задумчивости, от испуга вздрогнула:

— Э-э, не «влажная», сейчас не «влажная».

Среди бела дня госпожа была слишком...

Сяо Лэнью, конечно, поняла, о чём та подумала, и закатила глаза:

— Тьфу, за кого ты меня принимаешь? Думаешь, я только об этом и думаю день и ночь?

Разве нет?

Бу Юньфэй закусила палец.

— ... — увидев её вид, Сяо Лэньюй вдруг снова захотела того самого.

Она отвернулась, даже возразить не нашла сил.

Спустя время, успокоившись, она произнесла:

— Я спросила про стихи.

— Верно, я не «влажная».

— Чёрт возьми! Я говорю о сочинении стихов! — Сяо Лэньюй с трудом подавила импульс прижать эту особу к себе.

Эта женщина действительно напрашивалась на то, чтобы её прижали! Очень, очень напрашивалась!

Бу Юньфэй не была дурой: в глазах той она видела хищное злорадство.

Она трусливо отступила на два шага:

— Какие стихи хочет услышать госпожа?

Сяо Лэньюй теперь была императорской благородной супругой, хотя её титул всё ещё оставался ниже императрицы (впрочем, императрица в Холодном дворце — это особый случай). Самое главное, она — главная героиня, да здравствует госпожа, её аура подавляла всё вокруг.

— Сочини-ка ещё одно стихотворение о персиках! — приказала госпожа, оглядывая цветущие деревья.

— Слушаюсь.

Бу Юньфэй в уме лихорадочно перебирала знакомые строки, проклиная себя за то, что в школе ленилась и не выучила наизусть все собрания стихов эпох Тан и Сун.

К счастью, она работала писателем и специализировалась на исторических романах. Хотя чаще всего она пользовалась поисковиком, кое-что в памяти всё же осталось.

— В прошлом году в этот день, здесь, за этими воротами, лица и цветы сливались в едином румянце. Не знаю, где теперь те лица, но персиковые цветы всё так же смеются весеннему

ветру!

Прочитав это, Бу Юньфэй осталась очень довольна собой.

Пусть это стихотворение не такое возвышенное, как у Тан Иня, зато оно легко запоминается, а в народе говорят: что слишком просто — то и есть самое изящное.

— В прошлом году в этот день, здесь, за этими воротами... — пробормотала Сяо Лэнью, а затем скомандовала: — Запиши эти строки для меня.

— Слушаюсь.

Бу Юньфэй послушно принесла кисть, тушь и бумагу. Прошло время, и в этот раз она, конечно, не посмела заставить госпожу растирать тушь.

Хотя как современный человек, попавший в прошлое, она не умела этого делать, но старалась изо всех сил.

Старалась так, что вскоре сама превратилась в кота с чёрной мордой.

Госпожа вздохнула и взяла Бу Юньфэй за руку.

Затем, обдав её ухом своим дыханием, похожим на аромат орхидеи, прошептала:

— Ты такая бестолковая. И как только такой жестокий человек, как твой отец, смог тебя воспитать?

Рука Бу Юньфэй дрогнула — она вспомнила то самое недоразумение с истреблением семьи.

Сяо Лэнью, продолжая держать её за руку, растирала тушь, и её голос звучал тихо, словно ветер, или как будто она говорила сама с собой:

— Не знаю, где теперь те лица... Да, все разбрелись. Отец мёртв, мать мертва, многие мертвы...

Она невольно сжала ладонь Бу Юньфэй:

— Однажды... ты ведь тоже уйдёшь от меня?

Бу Юньфэй застыла с открытым ртом, не зная, что ответить, и лишь позволяла той держать свою руку.

А затем её прижали к столу.

Тушь разлилась.

Этот зверь прямо так, на рисовой бумаге, прижал Бу Юньфэй.

Бу Юньфэй жалобно пискнула: «Зверь, а как же обещание не думать об этом в любое время и в любом месте?»

Конечно, она не могла этого спросить, потому что её губы были заняты.

И не смела спрашивать, потому что не хотела, чтобы госпожа возненавидела её. О, как только она вспоминала свой финал, ей хотелось постоянно вилять хвостом перед госпожой, чтобы заслужить её расположение.

К счастью, тело — зеркало души (кто это сказал?), и их близость в течение этого года сделала их намного ближе. Например, если раньше Сяо Лэнью нужно было отдавать приказы, то теперь Бу Юньфэй понимала, когда нужно раздеваться, по одному лишь взгляду. Бывало и так, как сейчас — даже без взгляда, просто толчок, и Бу Юньфэй не чувствовала ничего странного. Да, они определённо стали ближе.

Поэтому, как первый автор исторических романов Цзиньцзяна, пережившая провалы, падение рейтингов и даже обвинения в накрутке и плагиате, Бу Юньфэй могла утешать своё крепкое сердце: так и дальше пойдёт, и их отношения с госпожой будут становиться только лучше. Настолько, что та не захочет причинить ей вред! Обязательно!

Время шло, и хотя неизвестно, стали ли их отношения лучше, события действительно шаг за шагом двигались согласно сюжету оригинала.

Например, женщины во дворце почти все погибли — кто-то поубивал друг друга, кого-то устранила госпожа.

Или, например, в гареме императора так и не появилось ни одного здорового принца.

Тот единственный ребёнок всё ещё оставался сыном наложницы Мэй.

В оригинале этот ребёнок в конце признает госпожу своей приёмной матерью и взойдёт на престол.

Подсчитав дни, она поняла, что госпожа скоро убьёт императора.

Хм, а ведь она сама в тот день под деревом персика вздыхала, что «многие погибли», хотя половина из них погибла по её же вине.

Вспомнив, что император всё же питал к ней чувства, Бу Юньфэй испытывала некие эмоции. Когда их прижимали в частной обстановке, она однажды попросила госпожу:

— Император был к тебе неплох. Если нет крайней необходимости, может, сохранишь ему жизнь?

Сяо Лэнью нахмурилась и сжала руку, отчего Бу Юньфэй вскрикнула от боли:

— Ты в своём уме? Оставить ему жизнь? В борьбе, до которой я дошла, малейшая оплошность — и смерть. Ты хочешь, чтобы умер он или чтобы умерла я? А?

Сила сжатия увеличилась, Бу Юньфэй снова охнула. С трудом выдавила:

— Его.

— Вот именно, — Сяо Лэнью ослабила хватку. — То, что я пощадила твой род Бу — это уже одолжение. Не зарывайся.

Верно, в нынешней истории единственное, что пошло не по сюжету — это снисхождение Сяо Лэнью к семье Бу.

В оригинале госпожа истребила семью Бу, иначе не посмела бы так обращаться с императрицей Бу.

Но сейчас госпожа, кажется, от начала до конца не трогала семью Бу. Более того, они занимали всё больше важных постов.

Это можно считать эффектом бабочки после её попадания?

Думая о том, как за эти годы она налаживала связи с семьёй, Бу Юньфэй вздохнула. Надежда была на то, что благодаря этому эффекту ей удастся избежать трагической судьбы императрицы из оригинала.

— Не бойся, я не трону семью Бу, — внезапно сказала Сяо Лэнью.

Бу Юньфэй опешила.

Тут же Сяо Лэнью схватила её за грудь и принялась энергично мять.

— А! А-а-а! — у Бу Юньфэй в глазах потемнело.

Через три дня император скончался.

Всё было как в оригинале: на трон взошёл единственный маленький принц. Ему было всего шесть лет.

Но кое-что отличалось — шестилетний принц не признал Сяо Лэнью приёмной матерью. Она не стала регентшей, а попала в список тех, кого должны похоронить заживо вместе с покойным императором.

Когда скончался бывший император, было обычным делом выбрать несколько любимых наложниц для погребения вместе с ним.

Только вот любовь между монархом и подданными в Китае, как и любовь между свекровью и невесткой, была фальшивой. Все на словах твердили, что быть похороненной с императором —

великая честь, но кто на самом деле этого хотел?

Поэтому, даже если император в маразме и хотел, чтобы любимая наложница сопровождала его в загробном мире, любая наложница, имевшая хоть какую-то власть, не позволила бы себя похоронить.

Однако некоторые властные императрицы использовали этот шанс, чтобы расправиться с любимцами и отыграться за все годы унижений! Это то, что называется «посмотрим, кто будет смеяться последним».

Учитывая, что госпожа была всесильна во дворце, её никак не должны были отправить на погребение.

Так что же пошло не так?

Бу Юньфэй, как сумасшедшая, выбежала из Холодного дворца и ворвалась в траурный зал императора.

Все были в белых одеждах.

Некогда могущественный правитель теперь был лишь тихим мертвецом, лежащим там для прощания.

Единственное отличие от простолюдина — люди вокруг плакали куда фальшивее.

Когда Бу Юньфэй вошла, все стояли на коленях, лишь вдовствующая императрица, Сяо Лэньюй и евнух, зачитывающий указ, стояли.

Сяо Лэньюй стояла с прямой спиной, словно ледяная сирень. Было очевидно, что она не собирается принимать указ.

— Императорская благородная супруга Сяо, примите указ, — громко повторил евнух. В его голосе не было ни капли чувств.

Прожив всю жизнь во дворце, он видел столько взлётов и падений, что жизнь и смерть стали для него обычными спектаклями. В этом дворце всё решала власть: большая рыба ест маленькую. Будь ты хоть служанкой, хоть благородной супругой, если кто-то сверху захочет тебе навредить — ты труп.

Однако Сяо Лэньюй явно не собиралась принимать указ и продолжала стоять.

— Сяо Лэньюй, ты смеешь противиться указу? — голос вдовствующей императрицы звучал властно.

Сяо Лэньюй не ответила.

Бу Юньфэй же ворвалась внутрь:

— Остановите указ! Остановите указ!

Сказав это, она перевела дыхание.

Все посмотрели на неё.

В глазах Сяо Лэньюй читалось явное презрение: «Ты, маленькая слабая, что ты можешь сделать?»

Взгляд вдовствующей императрицы, естественно, был полон властного гнева.

Бу Юньфэй не боялась взгляда вдовствующей императрицы, зато была аллергична к взгляду собственной госпожи, поэтому сглотнула, и её пыл немного поутих.

— Императрица, в чём дело? — спросила вдовствующая императрица как главная распорядительница.

К счастью, это обращение придало Бу Юньфэй уверенности: «Верно, я императрица, кого мне бояться?»

Даже если в оригинале она была той, кому выкололи глаза и отрубили конечности, сейчас она — императрица, а госпожа — благородная супруга, которую притесняют и хотят вынудить уйти из жизни.

Разве не нужно было заслужить её расположение? Вот и шанс!

Бу Юньфэй кашлянула, внушая себе, что она императрица, мать Поднебесной:

— Вдовствующая императрица, мой супруг скончался, разве я не должна быть здесь?

Она не назвала её «матушкой», а обратилась прямо — «вдовствующая императрица», и тон её был недобрым. На чьей она стороне, было очевидно.

Вдовствующая императрица, казалось, ничуть не удивилась и холодно ответила:

— Император ушёл в небесную обитель. Хотя императрица и была сослана в Холодный дворец и давно не пользовалась милостью, но в конце концов, вы — законная жена императора, и проводить его в последний путь — ваш долг. Встаньте в сторонку.

Действительно, старый конь борозды не портит: одной фразой она напомнила, что Бу Юньфэй «сослана в Холодный дворец и давно не пользуется милостью», фактически приравняв её к низложенным и сразу закрыв ей рот.

А затем и вовсе приказала «встать в сторонку», ясно давая понять, что та может лишь наблюдать.

Увы, Бу Юньфэй тоже была не лыком шита.

В любой профессии успеха добиваются не случайно. Как первый автор исторических романов Цзиньцзяна, Бу Юньфэй знала, как удержать читателей, и её эмоциональный интеллект и методы были на высоте. Читатели не глупые, они чувствуют, какой сюжет хорош, а какой нет. Книги Бу Юньфэй славились своей «драйвовостью» и «удовольствием».

Тех «зелёных чаёв», «белых лотосов» и злодеек, которых она «разнесла» в своих книгах, хватило бы, чтобы каждая из них выпила по чашке чая. Больше всего поражало то, что, сколько бы она их ни «разносила», читатели никогда не чувствовали досады. От дворцовых интриг до борьбы в кланах и при дворе — она начинала «разборку» с пол-оборота, и эта техника была доведена ею до совершенства.

Так что слова редактора о том, что она — «опора», были не просто утешением.

В общем, кроме как перед своей госпожой, Бу Юньфэй никого не боялась.

Разборки? Кто кого боится?

— Вдовствующая императрица шутит. Мой супруг только что скончался, как я, вдова, могу просто стоять в сторонке и бездельничать? За организацию похорон вдова, конечно, несёт прямую ответственность. А вот вдовствующей императрице в силу возраста не стоит перетруждаться. Если вы ляжете, я буду виновата перед покойным супругом.

«Супруг» здесь, «вдова» там, она даже «Айцзя» (я, императрица) успела вернуть — толстокожести ей было не занимать.

Впрочем, в спорах между свекровью и невесткой без толстой кожи не выжить.

Вдовствующая императрица, дойдя до своего поста, тоже имела кожу толщиной с городскую стену. Но перед Бу Юньфэй, которая через каждое слово твердила «Айцзя», она всё же проигрывала.

«Айцзя»? Что за ерунда! Все знали, что «Айцзя» — это она, вдовствующая императрица, а теперь эта императрица тоже стала «Айцзя», и кто тогда будет решать, что делать?

Вдовствующая императрица подняла глаза и открыла рот, собираясь ответить.

<http://bllate.org/book/19859/1955101>